

Взаимно обменявшись приветствиями, Лань Цижэнь, подобно радушному хозяину, с улыбкой пригласил гостей войти в горные врата. Дорога была настолько живописной, что дух захватывало. Если бы не бесконечные правила клана Лань, здесь действительно было бы прекрасно совершенствоваться.

Юньшэнь Бучжичу был возведен среди зеленых гор. Вокруг низвергались водопады, журчали горные ручьи, покачивались бамбуковые рощи, а вековые деревья подпирали небо. Вся атмосфера была пропитана тишиной и утонченным изяществом. Подобный сказочный пейзаж напоминал уединенную обитель бессмертных. Стоило ступить за ворота из белого нефрита, как взору открывались извилистые каменные ступени, а шум воды сопровождал путников на всем пути, словно они погружались в ожившую поэтичную картину.

Горные леса и водопады, холодные источники и ледяные пруды, залы и внутренние дворики, крытые переходы — каждый уголок был создан с невероятным мастерством. В садах, где среди изящных павильонов у воды круглый год клубился горный туман, окутывающий белые стены и темную черепицу, казалось, будто находишься в облачном море небожителей.

Вдали от мирской суеты это место казалось особенно безмятежным, словно отрезанным от остального света. Горные туманы, окутывающие вершины, придавали всему пейзажу некую призрачность и таинственность. Сквозь эту дымку проглядывали очертания построек, чьи белые стены и темная черепица гармонично сливались с окружающей природой, напоминая свиток тушью.

Здания, возведенные с учетом рельефа гор, располагались очень гармонично, ничуть не выбиваясь из общего вида и мастерски используя естественный ландшафт. Глядя издалека, невольно проникаешься дзенским спокойствием, которое исходило от этих строений, и на ум невольно приходила история предка клана Лань — Лань Аня.

Говорят, Лань Ань родился в стенах храма и всю жизнь был связан с буддизмом. Путешествуя, он проезжал через Гусу, был очарован здешними горами и водами и в итоге решил основать здесь свой клан. Возможно, именно благодаря его храмовому прошлому здешняя архитектура и атмосфера были наполнены духом дзен, перекликающимся с его собственным состоянием души.

Сегодня клан Лань процветает здесь, сменяя поколение за поколением. Секта не только расширилась, но и воспитала множество выдающихся талантов. Эти наследники не только унаследовали славные традиции семьи, но и проявили себя в своих областях, став поистине редкими дарованиями.

Все это доказывает, что здесь — благословенное место с идеальным фэншуй. Оно обладает не только уникальной природной средой, но и глубоким культурным наследием. И архитектурный стиль обители, и череда талантливых людей, вышедших из клана Лань, вызывают лишь восхищение и почтение.

В Юньшэнь Бучжичу уникально не только само расположение, но и растения, которые здесь

произрастают. Среди всего разнообразия чаще всего взору предстают изящные магнолии. Их можно увидеть повсюду: и у Ланьши, и у Библиотечного павильона.

Цветы магнолии, белые как снег, казались спустившимися с небес небожительницами. Их лепестки были такими нежными и мягкими, что, казалось, могли рассыпаться от одного прикосновения. Тонкий аромат, подобный поэзии, был свежим и приятным, он дарил покой и умиротворение, словно перенося в мир бессмертных. Этот аромат не только очищал воздух, но и помогал обрести душевное равновесие — редкое наслаждение для тех, кто долго пребывал в шумном мире людей.

Представьте: в Юньшэнь Бучжичу юные адепты клана Лань в бело-голубых одеяниях идут вместе. Они прогуливаются по цветочным тропам или останавливаются, чтобы полюбоваться цветущими магнолиями. Легкий ветерок проносится мимо, и лепестки, словно снег, опускаются на их плечи или устилают землю, превращая ее в белоснежное море. Тонкий аромат окутывает их, словно невидимая вуаль.

В такой обстановке юноши клана Лань, вдохновленные красотой, обретают особое спокойствие. Они могут сочинять стихи или писать картины под цветущими деревьями, а могут просто читать хорошую книгу, наслаждаясь моментом тишины. Аромат магнолий незаметно проникает в их души, делая мысли чистыми и ясными.

Яши — место, где глава клана Лань (такой как Лань Цижэнь или Лань Сичэнь) принимает гостей, проводит семейные советы или читает лекции. Просторное помещение с минималистичной обстановкой: в центре висят наставления клана или портрет предка, по бокам расставлены деревянные кресла, пол выложен синим камнем или деревом. Свет здесь всегда мягкий, а атмосфера — строгая и торжественная.

Хуай Ли и его спутники под предводительством Лань Цижэня вошли в Яши. Там они увидели Цинхэн-цзюня в простых одеждах, чья аура была возвышенной, однако в глазах читалась усталость.

— Брат, гости прибыли, — произнес Лань Цижэнь.

Цинхэн-цзюнь кивнул:

— Благодарю за труды, Цижэнь.

Хуай Ли смотрел на Цинхэн-цзюня. По легенде, тот прославился на весь мир еще в юности, но на пике своей славы внезапно отошел от дел. Клан Лань официально заявлял, что глава ушел в уединенное совершенствование, но на самом деле он добровольно заточил себя в скромной обители ради одной женщины.

В народе говорят, что в клане Лань из Гусу рождаются одни романтики, но на самом деле это колыбель упрямцев. Лань Ванцзи был именно таким, и его отец, Цинхэн-цзюнь, ничем не отличался. Стоило им отдать кому-то сердце, как они оставались верны этому чувству всю жизнь, даже если в глазах окружающих этот человек был недостойным или неприемлемым. Они без колебаний следовали зову своего сердца. И все же появление Хуай Ли могло привести

к неожиданному финалу.

Хуай Ли глубоко вздохнул. Он не хотел так поспешно переходить к делу, ведь многое еще предстояло обсудить. Однако он никак не ожидал, что Лань Цижэнь пригласит Цинхэн-цзюня и сразу приведет их в Яши. Этот поворот полностью спутал все планы Хуай Ли, который надеялся вместе с Мо Жанем прогуляться по красотам Юньшэнь Бучжичу. Теперь же оставалось только решить все вопросы.

Увидев прибывших, Цинхэн-цзюнь поспешно распорядился, чтобы adeпты подали гостям хороший чай. Когда все расселись, он с мягкой улыбкой произнес:

— Брат Чанцзэ, Цансэ, Яочэнь-цзюнь, а также этот господин, не знаю, что привело вас в клан Лань из Гусу?

Хуай Ли немного подумал и решил сначала вкратце упомянуть о возвращении мира в прошлое. А что касается запутанных отношений между Вэй Усянем и Лань Чжанем, он посчитал, что пока стоит отложить это в сторону до более подходящего момента.

Выслушав его, Цинхэн-цзюнь помрачнел и, помолчав, ответил:

— Дело серьезное, я непременно приложу все усилия, чтобы помочь. Но как же можно предотвратить гибель этого мира?

— Пока что нужно обдумать все как следует, — ответил Хуай Ли. — К тому же, для этого дела нам нужны надежные люди, чтобы вместе разработать план.

Вэй Чанцзэ с супругой, увидев это, решили спросить прямо:

— Хуай Ли, кажется, ты что-то скрываешь насчет А-Ина и Лань Чжэня. Надеемся, ты прояснишь ситуацию.

Хуай Ли заколебался, понимая, что скрывать дальше бессмысленно. Он уже собирался заговорить, как вдруг его прервали поспешные шаги. Неизвестно, что еще стряслось.

В зал вбежал адепт, на лице его читалась тревога. Он склонился перед главой и Лань Цижэнем:

— Глава! Господин Лань! Беда! Только что, когда два маленьких господина навещали госпожу в Лундань Сяочжу, ей внезапно стало плохо. Она начала сильно кашлять, выплюнула кровь и потеряла сознание!

Услышав это, Цинхэн-цзюнь, словно пораженный молнией, вскочил с места. Его лицо мгновенно побледнело, на лбу выступил холодный пот. Он был в отчаянии и готов был сорваться с места, чтобы немедленно лететь в Лундань Сяочжу. Цансэ тоже изменилась в лице и хотела последовать за ним, но Вэй Чанцзэ удержал ее. Маленький Вэй Ин спал у него на руках и еще не проснулся.

Однако, уже собравшись выйти, Цинхэн-цзюнь внезапно остановился, словно вспомнив о чем-то важном. Его шаги замедлились, он обернулся к Хуай Ли и его спутникам, в его глазах мелькнуло колебание. Затем он перевел взгляд на Лань Цижэня, и тревога на его лице стала еще заметнее.

Лань Цижэнь поспешно встал:

— Брат, иди первым. Я позову второго старейшину в Лундань Сяочжу, чтобы осмотреть ее. Здесь я сам со всем разберусь.

Цинхэн-цзюнь кивнул и, не оглядываясь, ушел. У него не было времени упрекать брата за то, как тот назвал его жену.

Хуай Ли наблюдал за уходящим хозяином, и слова, готовые сорваться с губ, застряли в горле, словно он был скован заклинанием. Собравшись с мыслями, он повернулся к Лань Цижэню и негромко произнес:

— Господин Лань, раз с госпожой случилась беда, мы должны навестить ее. Тем более, что дело, по которому я пришел, крайне важно, и лучше всего изложить его в присутствии обоих супругов. Кроме того, попрошу вас пригласить главу клана Не из Цинхэ, чтобы мы могли раскрыть все карты разом.

Лань Цижэнь посмотрел на них, немного подумал и ответил:

— Что ж, раз так, следуйте за мной.

На самом деле Лань Цижэнь все еще затаил обиду — это было ясно по тому, как он называл госпожу Цинхэн. В свое время она просто симпатизировала Цинхэн-цзюню, но в итоге стала виновницей гибели его наставника. Узнав правду, Цинхэн-цзюнь был раздавлен горем, но после долгих раздумий все равно женился на этой женщине. Он объявил клану, что она — его единственная жена, и кто тронет ее, тому придется иметь дело с ним.

Ради защиты любимой Цинхэн-цзюнь рано отошел от дел, переложив заботы о клане на плечи брата. Будучи молодым, он добровольно отказался от возможности прославиться. Видя такой финал своего брата, Лань Цижэнь возненавидел ересь и порочные пути, поэтому стал еще строже воспитывать Лань Ванцзи и Лань Сичэня. Его чопорность, педантичность, суровость и даже некоторая упрямость были порождены именно этим.

Однако сейчас все еще можно исправить. Появление Хуай Ли означало, что многое изменится, и, вероятно, правила клана будут пересмотрены. Госпожа Цинхэн не должна умереть так рано, ведь у Хуай Ли есть доказательства — иначе было бы невозможно разрешить недопонимание между супругами.